

настыря (главным образом, литерные заставки), первоначальниками которого были выходцы с Выга. Однако из изобразительной системы Выговской школы пижемская рукопись и сложившаяся на ее основе роспись заимствовали лишь цветовую гамму (красно-желто-зеленый триколор) и трактовки растительности (трава, кроны деревьев).

В изобразительной системе Верхнего Поволжья, искусство бытовой росписи которого в большой степени обязано старообрядчеству своей неповторимостью и высоким художественным уровнем, выделяется несколько художественных центров (Федоскино, Мстера, Палех, Хохлома). В середине и конце XIX в. ведущее место в бытовой живописи занимает графика Городца — последняя и короткая по длительности старообрядческая новация поповского толка. Его сюжетная тематика была порождена светскими вкусами и ориентирована на них: роспись прялочных дниц представляла собой мирские картинки или военные баталии.

Итак, в конце XVII — начале XX в. старообрядцам принадлежала главная роль в эволюции народной росписи по дереву, что имело свою религиозную и социальную подоплеку: занимаясь «частным» промыслом, они избегали работы «на государство антихриста», обеспечивали себе пропитание и распространяли свои вероучительные идеи.

Повсеместно лидерство принадлежало школе Поморского согласия, сохранявшей высокий авторитет и после разгрома Выго-Лексинских монастырей (1850-е гг.), благодаря бродячим ремесленникам — ученикам даниловских мастеров и выходцам из северо-русских и поволжских областей.

Наследие художественной культуры Поморского центра разносилось старообрядцами по зауральским и сибирским землям, где с ним взаимодействовали художественные традиции восточно-славянских переселенцев (в частности, украинцев) и азиатских народов. У бухтарминских старообрядцев и старожилов Приангарья развились своеобразные расписные формы «поморского» происхождения, зафиксированные этнографами во второй половине XX в.

И.Б. Губанов

**КОНСЕРВАТИЗМ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ПАРАЛЛЕЛИЗМ СВИДЕТЕЛЬСТВ КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА
И ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

Цель предлагаемой работы — показать традиционный характер общественных институтов, обычаев, этноопределяющих элементов материальной культуры у древних германцев, который выражался в слабом варьировании ведущих социально-культурных марке-

ров данной традиционной общности людей по крайней мере на протяжении целого тысячелетия — от I в. н.э., когда была написана «Германия» Тацита, до эпохи викингов (IX–XI вв. н.э.).

Корнелий Тацит в своем небольшом очерке сумел показать основные черты, присущие обществу и культуре древних германцев. Большая их часть прослеживается и по древнеисландским памятникам, описывающим скандинавов эпохи викингов.

В первую очередь, фактически неизменным остался архаический социальный институт, присущий едва ли не большей части традиционных обществ планеты, т.н. «родовых» обществ. Речь идет об институте кровной мести и урегулирования конфликта между кровнородственными коллективами посредством выплаты определенного возмещения. В 21 параграфе римский классик пишет, что «разделять ненависть отца и сородичей к их врагам и приязнь к тем, с кем они в дружбе, — непреложное правило; впрочем, они не закостеневают в непримиримости; ведь даже человекоубийство у них искупается определенным количеством быков и овец, и возмещение за него получает весь род, что идет на пользу и всей общине, так как при безграничной свободе междоусобия особенно пагубны». В эпоху викингов, впрочем, вергельд выплачивался уже главным образом ценностями — драгоценными металлами, деньгами, а не скотом (хотя исландское слово *fý* — «деньги» — первоначально и значило «скот»).

Скорее всего основным кровнородственным коллективом еще во времена Тацита у германцев был патриархальный *ætt* древнеисландских памятников — большая семья из ее старшего главы, сыновей с их женами и их детей, живущая вместе с рабами-домочадцами под одной крышей древнегерманского «длинного дома» на столбах с центральными очагами. Об этом свидетельствует, во-первых, порядок получения наследства, о котором пишет Тацит, а во-вторых, хуторская система расселения, о которой (впрочем, не понимая ее социальной сущности) пишет римлянин. Четко фиксируется приоритетный порядок наследования в пределах трех нисходящих поколений мужских родичей: «Однако наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети, завещания у них неизвестны. Если он не оставил после себя детей, то его имущество переходит во владение тех, кто по степени родства ему ближе всего — к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери» (п. 20). Археологические свидетельства существования «длинных домов» и хуторов на островах балтийского моря в первые века н.э. подтверждают сообщение Тацита: «Хорошо известно, что народы Германии не живут в городах и даже не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу. Селятся же германцы каждый отдельно и сам по себе, где кому приглянулись род-

ник, поляна или дубрава. Свои деревни они размещают не так, как мы, и не скучивают теснящиеся и лепящиеся одно к другому строения, но каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок, то ли чтобы обезопасить себя от пожара, если загорится сосед, то ли из-за неумения строиться. Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; все, что им нужно, они сооружают из дерева, почти не отделявая его и не заботясь о внешнем виде строения и о том, чтобы на него приятно было смотреть. Впрочем, кое-какие места на нем они с большой тщательностью обмазывают землей, такой чистой и блестящей, что создается впечатление, будто оно расписано цветными узорами».

Важнейший социальный древнегерманский институт высшей юрисдикции — народное собрание — также описывается Тацитом. На тинг (др.-исл. *ting* — собственно, «вещь» — понятие столь ясное для древнего германца, что его не стоило расшифровывать) все мужчины определенной территории сходятся вооруженными и рассаживаются там, принимая важные для социума решения — по вопросам войны и мира и, главное, урегулирования тяжб между враждующими родовыми коллективами. Так было во времена Тацита, и тысячелетие спустя в эпоху викингов: «О делах менее важных совещаются их старейшины, о более значительных — все; впрочем, старейшины заранее обсуждают и такие дела, решение которых принадлежит только народу... Когда толпа сочтет, что пора начинать, они рассаживаются вооруженными. Жрецы велят им соблюдать тишину, располагая при этом правом наказывать непокорных. Затем выслушиваются царь и старейшины в зависимости от их возраста, в зависимости от знатности, в зависимости от боевой славы, в зависимости от красноречия, больше воздействуя убеждением, чем располагая властью приказывать. Если их предложения не встречают сочувствия, участники собрания шумно их отвергают; если, напротив, нравятся, — раскачивают поднятые вверх фреамеи (копья. — *И.Г.*): ведь воздать похвалу оружием, на их взгляд, — самый почетный вид одобрения». Следует отметить, что и на исландском тинге народ рассаживался вооруженным, а символическое бряцание оружием называлось по-древнеисландски *vápnatak* — «взятие оружия».

Помимо осуждения за предательство на поле боя, за которое виновные приговаривались к позорной смерти, у Тацита отмечается гораздо более распространенный приговор народного собрания за менее значительные преступления. Что это за правонарушения, за которое тинг не карал слишком строго? Во-первых, разумеется, убийство мужчины. За него, как отмечалось выше, взыскивался вергельд: во времена Тацита — скотом, в эпоху викингов — деньгами. За менее серьезные преступления против личности ответчик также

должен был заплатить кровнородственному коллективу потерпевшего: «Но и при более легких проступках наказание соразмерно их важности: с избличенных взыскивается определенное количество лошадей и овец. Часть наложенной на них пени передается царю или племени, часть — пострадавшему или его родичам».

Уже в эпоху Тацита, видимо, в значительной мере сформировалась дружинная культура германцев — стержень языческой культуры северной Европы, известной нам по древнеанглийской и древнеисландской традиции. Вокруг предприимчивых и знатных конунгов собирались активные люди в цветущем возрасте — его боевые товарищи и опора. Надо думать, что, как и в эпоху викингов, то были сотрапезники вождя — несколько десятков человек, пировавших с ним в зале длинного дома. Конунг раздавал дружинникам ценности и мерило удачи в виде браслетов или их частей, поэтому в древнеанглийском «Беовульфе» эпитет конунга — *beaga brytta* — «колец ломатель» (делитель). Корнелий Тацит подчеркивает воинственность древних германцев и, следовательно, возрастающую роль дружинной культуры в традиционном обществе: «Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя; все прочие собираются возле отличающихся телесною силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять их дружинниками <...> их величие, их могущество в том, чтобы быть всегда окруженными большой толпою отборных юношей, в мирное время — их гордостью, на войне — опорой». Если община, в которой они родились, коснеет в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляются к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилием и войной; ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови победоносной фрамеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалования».

Возможно, культ бога Одина (др.-исл. *Óðinn*) и образ Вальгаллы (др.-исл. *válholl* — «трупозал»), где верховный конунг, жрец и маг пирует с дружиной избранных павших воинов, уже сформировались во времена Тацита. По крайней мере, Тацит явно выделяет верховную триаду божеств у германцев, хотя и наделяет древнегерманских божеств римскими именами «Меркурия, Геркулеса и Марса». Следует думать, что под именем Геркулеса скрывается рыжебородый бог-громовик Тор (др.-исл. *Þor*), обладатель поражающего молота — защитник богов от великанов и борец с Мировым Змеем (др.-исл. *Míðgardsormr* — «червь срединного мира»). Вероятно, ввиду его центральных воинских фун-

кий Тацит назвал Одина «Марсом». Надо думать, «Меркурием» римлянин назвал бога плодородия и сексуальной силы Фрейра. Идолы вышеозначенных божеств, по свидетельству немецкого хрониста Адама Бременского, стояли в алтаре языческого храма свейской Упсалы еще в XI веке.

Таким образом, данные Тацита показывают, что в своих главных чертах традиционное древнегерманское общество как преимущественно единое социокультурное сообщество мало изменилось с I в. н. э. до XI в. н. э.

О.И. Конькова

**«ИЖОРСКАЯ» АРХАИЧНАЯ КОНСТРУКЦИЯ МИРА
И СОХРАНЕНИЕ ЕЕ СТРУКТУРЫ
В КОНЦЕ XIX И В КОНЦЕ XX вв.**

Несмотря на принятие ижорой христианства еще в XIII в., многие архаичные космогонические представления сохранились у ижор вплоть до второй половины XX в. в форме традиционных песен так называемой «калевальской» метрики. В целом у ижор записано более 100 тысяч старинных песен. Значительная их часть (в основном это записи конца XIX в.) дает возможность воссоздать «ижорскую» конструкцию мира, несмотря на то, что к моменту фиксации фольклорная традиция уже подверглась значительным изменениям. Тем не менее на основе рудиментов космогонических мифов, дошедших до нас в народных песенных вариантах конца XIX в., мы попытаемся воссоздать представления ижор о создании и формировании окружающего их мира.

Таким образом, в нашем небольшом исследовании будут присутствовать три этапа существования народных космогонических представлений у ижор: во-первых, воссоздаваемый нами «базовый» архаичный вариант; во-вторых, вариант остаточных миротворящих представлений конца XIX в. (на основе ижорских песен того времени); в-третьих, современные представления ижор о структуре изначального мира (уже с трудом вычленимые в условиях полного исчезновения традиционного фольклора).

Описание формирования мира у ижор существует в общем русле широко известного в мировом фольклоре мифа о сотворении мира из яйца птицы. В ижорской руне рассказывается о том, как «ласточка, дневная птица» (иногда добавляется «ночная птица — летучая мышь») летала «легкий день, осеннюю темную ночь», чтобы найти место для гнезда. Пролетев девять морей, в середине десятого моря нашла три кочки, на них свила гнездо и снесла яйца (в некоторых версиях гнездо вьется на острове посреди моря, иногда — на